

ОБРАЗЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И УКРАИНЫ

Использование истории для политических целей называется «*политикой памяти*». Другие равнозначные термины – «*историческая политика*» или «*политика истории*».

Подчеркнем, что политика памяти проходит не по графе «история», а по графе «политическая мифология», поскольку механизм работы с историей – это механизм мифотворчества. Мифология есть специфический способ восприятия, освоения объективной реальности, принципиально не сводимый ни к одному другому. В этом смысле миф не противостоит науке, а рядоположен с ней. По-видимому, мифотворчество есть деятельность активного сознания по мироосвоению, поскольку реальность нам всегда дается в субъективной форме. Этот механизм используется в политике для управления массовым сознанием.

В этом году исполняется 65 лет со дня окончания Второй мировой войны, но ее история не только не тускнеет в человеческой памяти, а, наоборот, актуализируется. Не погрешив против истины, можно сказать, что с конца XX века, особенно после развала Советского Союза, вокруг истории Второй мировой войны развернулись настоящие «войны памяти», которые ведутся профессионалами. Назовем их «конструкторами памяти». В их задачу входит создание новых образов войны, удовлетворяющих современной геополитической и национальной идентичности.

В данной статье речь пойдет об образах Второй мировой войны, которые культивируются в политическом дискурсе в европейском регионе и Украине.

1. Европейские образы Второй мировой войны

На Западе Красное знамя Победы над Рейстагом мешает объявить двадцатый век выигранным демократией. По их мифологии «свободный мир» должен всегда побеждать тоталитаризм. Это, мягко говоря, неправда. В античном мире демократические Афины проиграли принципиальную войну «тоталитарной», милитаризованной Спарте.

Мы хорошо знаем, как обстояло дело до того момента, когда Гитлер напал на СССР. Вся континентальная Европа была под пятой фашистов. Многие европейские народы подозрительно быстро утратили волю к сопротивлению, а некоторые ее не имели вовсе. А ведь эта воля как-то связана с практикой свободы. Как-то, но как? Ясно одно: вести тотальную войну на уничтожение, а такова была Великая Отечественная война в Советском Союзе, западные страны были просто не в состоянии.

Гитлеровский фашизм – это была болезнь не только немецкой нации, но и всей демократической Европы. И с этой болезнью Европа самостоятельно справиться не могла. Понадобилась жертвенная помощь Советского Союза и материальная

Америки. Вот генеральный факт, который сегодня пытаются вытравить из исторической памяти конструкторы европейской памяти для того, чтобы выздоровевший пациент не комплексовал по поводу своей несостоятельной «практики свободы» в годы Второй мировой войны.

Для европейцев с их стратегической целью сделать Европу единой задача конструирования «нужной» памяти о войне является очень даже значимой. Они решают ее с полным пониманием проблемы, выстраивая факты под канву демократических ценностей и стремясь вытеснить на периферию общественного сознания вплоть до забвения тот негатив истории, который не служит инструментом объединения европейцев или входит в противоречие с базовыми европейскими ценностями.

Что делают европейцы? Они не мучаются проблемами, которые решить в принципе нельзя, не живут с ними, а «похоронили» их под спудом мифа о победе демократии над тоталитаризмом. Пример такой мифологии привел в своем докладе на Московской международной конференции «Война, другая память» (апрель 2005 г.) представитель Франции Бруно Гроппо. В частности, он сказал о том, что во Франции сложился миф о том, что в Сопротивлении якобы участвовала основная часть населения – как бы латентно, по крайней мере духовно. Здесь проявилась международная потребность включить Францию не в число побежденных стран, а в числе победительниц и этим изменить европейский расклад сил. Для этого пришлось «забыть» массовую поддержку правительства Петена, коллаборационизм всей чиновничьей системы страны и то, что арест евреев производили местные, а не германские администрации [1].

Европейцы прощают себе все. И, судя по всему, не комплексуют по этому поводу. В этом плане особенно любопытны итальянцы. Эти в обеих мировых войнах начинали воевать на стороне агрессора, а заканчивали на другой – на стороне победителей.

Еще один образ Второй мировой войны создан и культивируется в Польше и странах Прибалтики, которые позиционируют себя как «жертвы». В этой связи немецкий историк Харальд Вельцер пишет: «Многообразнейшие разновидности и все более громкие формы «конкуренции между жертвами» служат свидетельством того, что политика памяти превратилась в одну из арен внутренней и внешней политики, где заявление претензий по поводу незаслуженных страданий, причиненных тем или иным группам в прошлом, стало веским аргументом, используемым для обеспечения сегодняшних интересов».

В качестве инструментов политики памяти в этих странах были созданы и функционируют специальные организации в статусе государственных учреждений со специальными полномочиями. В Эстонии в 1993 году парламент создал государственную комиссию по расследованию репрессивной политики оккупационных сил, перед которой была поставлена задача подготовить «Белую

книгу о потерях, нанесенных народу Эстонии оккупациями в период с 1940 по 1991 гг.». В Польше решением сейма в 1998 г. был учрежден Институт национальной памяти (ИНП). В том же году в Латвии при президенте была создана Комиссия историков. В Литве организация, аналогичная польскому ИНП, носит название «Центр геноцида и резистенции» и действует на правах департамента при кабинете министров страны. Ключевой задачей всех вышесказанных структур является сбор материалов для масштабной антироссийской пропагандистской кампании с требованием к России «возместить ущерб, нанесенный оккупацией». С этой целью именно прибалты и поляки отстаивают тезис как якобы полностью доказанный об одинаковой ответственности сталинизма и немецкого фашизма за развязывание Второй мировой войны. Так что о какой-то позитивной роли Советского Союза в разгроме немецкого фашизма говорить не приходится. Тезис об «агрессии и оккупации» прибалтам необходим и для того, чтобы обелить собственных коллаборационистов, представить их как «борцов сопротивления» в нацистской форме.

Учитывая все вышесказанное, признаемся, мало верится в то, что в деле выстраивания единой, общеевропейской памяти войны возможен полный успех. Ведь каждая нация получила свой особенный опыт участия в войне. Одна ситуация у воевавших на стороне Германии Италии, Венгрии, Румынии, Болгарии, другая – у Австрии и Норвегии, третья у Франции, четвертая у Польши и Чехии, пятая у Англии, шестая у прибалтов и т. д.

2. Украинская ситуация: несовместимость двух образов войны

В Украине вопрос переписывания истории Второй мировой войны приобрел характер конфликта двух ее образов, которые мы условно назовем «Великая Отечественная» и «Чужая война – чужая победа».

Большая часть населения страны (прежде всего ветераны, сражавшиеся в рядах Красной Армии) по-прежнему продолжает чтить *Великую Отечественную войну советского народа*, в которой украинцы совместно с другими народами СССР сломили хребет гитлеровской военной машины, отстояли независимость Украины и спасли весь мир. Соответственно, 9 Мая отмечается как самый большой и светлый праздник.

Такая интерпретация войны решительно не устраивает украинских националистов. В их систему исторических смыслов, ценностей и устремлений сражающаяся за освобождение Украины от фашистов Красная Армия и Великая Победа не входят, поскольку в результате этой Победы Украина по-прежнему осталась под пятой сталинизма в составе СССР. Во имя новой идентичности Украины они хотели бы осуществить полнейшую десоветизацию общества, разорвать путы близости русского и украинского народов, изжить свой комплекс коллаборационизма. Так, их идеолог Микола Рябчук пишет: «В украинском национальном («националистическом») нарративе Вторая мировая — это война между двумя тоталитарными хищниками, относившимися ко всем другим народам и странам сугубо инструментально. Украинцы в этой войне выбирали меньшее зло,

которым в итоге оказался большевистский Советский Союз, — хотя в самом начале для многих украинцев это не было столь очевидно, а посему и осуждать их только за противоположный выбор нет оснований. И уж во всяком случае нет оснований осуждать тех, кто, как УПА, воевал и против нацистов, и против большевиков» [3].

В этой цитате много от лукавого. На самом деле никакого «украинского выбора» не было. С самого начала все были на «своих местах». В составе Красной Армии и в тылу героически боролись с немецким фашизмом десятки миллионов украинцев. Киев, Одесса, Севастополь стали Городами-Героями. Город-герой – это всего лишь символ массового героизма. Все жители города не могли, да и не были героями. Награждая этим званием украинские города, Верховное Главнокомандование Советского Союза признало тот факт, что их оборона более чем на 100% выполнила стратегическую задачу срыва немецкого блиц-крига.

На одной стороне миллионы, на другой - в качестве пособников немецких фашистов – десятки тысяч. Спрашивается: чей образ войны является национальным и чей - провинциальным? Известно, что по количеству абсолютных потерь во Второй мировой войне Украина находится на втором месте после России. По относительному количеству потерь (19% от довоенного населения) Украина занимает третье место после Белоруссии и Польши. Речь идет о миллионах жизней. Спрашивается: эти жертвы принесены на алтарь Отечества или нет?

«Украинские СМИ: 9 Мая должно быть объявлено днем траура» - под таким заголовком в интернете помещено сообщение, что украиноязычная газета «Крымская светлица» 12 мая 2008 г. опубликовала на своих страницах письмо читателя С. Карачко из Черновцов под заголовком «Мировая или отечественная?». Я привожу из него одну купюру: «Во всем мире 8 Мая празднуется как победа сил объединенной демократической коалиции во Второй мировой войне. А что празднуем мы, если одной из стратегических целей сталинского режима являлся курс на уничтожение Украины?» [4].

В этом пассаже легко усматривается тезис о «жертве», то есть желание причислить Украину к числу «стран-жертв», которые ныне встали в очередь за получением компенсации от страны, спасшей мир от фашизма. Украина, конечно, не Россия, но тем более и не Прибалтика. Если она не является страной победительницей, то на каком основании она стала одним из фундаторов ООН? «Жертвы» ООН не учреждали. Ясно, как божий день, что Украина в составе СССР самым серьезным образом пострадала от оккупации фашистской Германии, но и является триумфатором Второй мировой войны.

Но этот взгляд не устраивает, а может, просто недоступен западноукраинским националистам в силу их специфического туннеля реальности. По их мифологии, призванной оправдать их специфическую позицию, они сражались одновременно аж на два фронта – и против немцев, и против Красной Армии. Их «маленькая проблемка» заключается в том, что их войну против вооруженных сил двух гигантов никто не заметил.

Это и понятно: очень трудно себе представить, что состоявшая из малочисленных, плохо вооруженных отрядов УПА могла бросить вызов Вермахту и Красной Армии. Соотношение сил было примерно таково: один вояк УПА с винтовкой, чаще с топором, вилами или палкой, без государственного снабжения, против 250 вооруженных современной техникой солдат Вермахта и Красной Армии. К многочисленным порокам руководителей ОУН-УПА полнейший идиотизм не принадлежит.

О праве на свою историю

«Мы имеем право на свою историю», - провозгласил в свое президентство В. А. Ющенко. Это звучит как: «Мы имеем право на свою субъективность». Этот подход снимает проблему фальсификации истории, переводя ее в плоскость национальных трактовок исторических событий и оценок исторических личностей. У нас, мол, своя история и свои герои, и это не обсуждается с «чужими». Однако это не обсуждается и со своими, если они не согласны с националистической трактовкой истории. В этом случае своих объявляют «чужими», «предателями», «малороссами», «украинофобами» и т. п.

Президент Украины Виктор Ющенко после полного провала в первом туре выборов нового президента, когда терять ему было нечего, подписал 20 января 2010 г. указ о присвоении Степану Бандере звания Герой Украины по случаю Дня соборности Украины. Трудно себе представить удар по соборности нынешней Украины более сильный, чем тот, который нанес ему уходящий, уже не имевший морального права подписывать такого рода указы президент. Скандал получился полнейший. Депутаты Луганского, Запорожского областного и городского советов, Крымского парламента, Севастопольского городского совета, Николаевского и Одесского областных советов приняли резолюции, в которых требуют отменить указы президента Виктора Ющенко о присвоении Шухевичу и Бандере звания Герой Украины, а также указа «О чествовании участников борьбы за независимость Украины». Депутаты считают, что данные указы являются «позорными» по отношению к памяти миллионов жертв фашизма, фактической реабилитацией и героизацией тех, кто сотрудничал и воевал на стороне фашистской Германии. Указы Ющенко названы «неонацистскими». Были подготовлены обращения в суды различной инстанции, а также к президенту Януковичу. Последовала и зарубежная реакция. Недоумение выразила Россия, возмущение – Польша, сожаление и надежду на отмену ющенковского указа по Бандере - Европейский парламент.

Директор Института национальной памяти Украины И. Р. Юхновский имеет прямое отношение к провальной политике памяти президента В. А. Ющенко. Указ о награждении С. Бандеры званием Герой Украины он прокомментировал так: «Степан Бандера и его ребята стали символом борьбы с Советской властью». И далее: «Это группа решительных молодых людей, которые не чуждались убийств и террора...». Сказать так про тех, у кого на счету десятки тысяч зверски убитых, садистски замученных людей, - все равно что сказать про Гитлера, что по своей натуре он был радикальным политиком. Но в целом Юхновский честно признал, что Бандера нужен националистическому политикому как символ

борьбы с Советской властью, а не как символ борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Фактически Юхновский признал, что бандеровцы не были участниками Второй мировой войны, а были ее попутчиками. При этом «попутались» они с Гитлером, за что и ответили по полной.

Утилитарный подход к истории (история – служанка политики) сопряжен с откровенно наплевательским отношением к морали современников. Все же есть четкие моральные критерии, которые позволяют отличить героя от негероя. Спрашивается, как должен реагировать любой нормальный человек на следующий «текст»: «Народе! Знай! Москва, Польша, Мадяри, Жидва — це Твої вороги. Нищ їх! Ляхів, жидів, комуністів знищуй без милосердя!..»? [5] Наверное, он решит, что «текст» принадлежит злобному фанатику и маньяку. И будет прав. Между прочим, слова эти взяты из обращения новоявленного «героя Украины» Степана Бандеры, которое распространялось во Львове 30 июня 1941 г.

Есть деловое предложение националистам: опубликуйте «полное собрание сочинений» С. Бандеры, и пусть люди сами решают, что это за герой. Могут заранее сказать – не опубликуют. Слишком много злобы, людоедства, ненависти к другим народам содержат «тексты» вождя ОУН/б. Если до сих пор не сказано всей правды, *доступной нам*, о бандеровцах, то только потому, что эта правда ужасает, дискредитирует идею, за которую проливали свою и чужую кровь эти фанатики украинской идеи. Большевистский фанатизм как чужой, иностранный осудили, а свой собственный национал-большевистский фанатизм не просто оправдали, но возвели в степень героизма.

Подсчитано, что от рук украинских националистов в 1939-1945 годах погибло только на Волыни и только поляков 60-70 тыс., что составляло около 20% тогдашнего польского населения этого региона. Таким образом, вояки УПА конкретно занимались решением «польского» вопроса. А еще они занимались решением «еврейского» вопроса. Их действия квалифицируются как народоубийство, то есть преступление геноцида. Если бы не было 9 МАЯ, то жертвы борьбы уповцев за независимое украинское государство исчислялись бы не сотнями тысяч, а миллионами. Если бы им удался их план, это было бы еще то государство! Кафка и Оруэлл отдыхают! Но не судилось. И слава Богу!

Пока следует констатировать провал исторической политики Ющенко по всей линии и на этой почве - его собственной политической карьеры. О невозможности моральной реабилитации и героизации вождей ОУН-УПА было уже сказано. Бог судья Виктору Андреевичу. Так он видит историю, таков его туннель реальности. Но есть и сугубо политический критерий – критерий целесообразности и эффективности. Чего добился он своей политикой истории? Он добился четкого раскола Украины по линии Восток-Запад. И вот за это ему придется отвечать перед людьми всю оставшуюся жизнь.

Украинские националисты являлись непосредственной опорой немцев на Западной Украине. От этого фундаментального вывода никуда не деться.

Ведь по договоренности между Польской Народной Республикой и Советским Союзом, произошел обмен украинского и польского населения. Польша получила поляков с «украинских земель». Город Львов стал «украинским». Еврейский вопрос был решен еще в

Советская политкорректность. Советский Союз сделал все, чтобы забыть о трагической странице истории. Проводилась политика «замирения» территории. Ускоренными темпами происходило восстановление Западного региона Украины.

Вопрос из области исторической психологии

«В лесу, где нет льва, и шакал – раджа», - гласит бенгальская поговорка. Что происходит с сознанием тех, у кого в истории шакалы занимают место львов? Это вопрос из области исторической психологии.

Области Западной Украины были оторваны от остальной Украины и жили в составе других политических и национальных организмов с середины XIV в. и аж практически до середины XX – шесть столетий, тридцать поколений! Все силы были потрачены на сохранение национальной идентичности. За эти века унижений и подавления национальных проявлений накопилась такая энергия фрустрации, которая должна была вылиться в жесткую оборонительную реакцию, агрессивный национализм, в создание иллюзорных образов самооправдания, мифов (миф об «украинском Пьемонте» и т.п.) и прочие компенсаторные вещи.

Повторю: не история сама по себе, а именно историческая и социальная психология объясняет специфику западноукраинского региона, у которого чем меньше оснований, тем больше необоснованных претезий к доминированию на всей Украине, тем больше крикливости, напора, истерии у националистических политиков этого региона. Это выглядит тем более странно, что при общении с «простыми» людьми приятно поражает их мягкость и доброжелательность; в них нет и следа той агрессии и нетерпимости, которую демонстрируют Тягнибок со товарищи. Почему они все-таки голосуют за тягнибоков?

Природа высшей нервной деятельности обладает целым набором психологических механизмов, которые предохраняют от морально-психологического разрушения как индивидуальное, так и коллективное сознание. Так, автор книги «Психология эволюции» Р. А. Уилсон пишет, что в человеческом мозгу есть функции «Думающий» и «Доказывающий», при этом Думающий может думать о чем угодно, и что бы ни думал Думающий, Доказывающий это докажет [6]. Вот этот психологический механизм рациональной мифологизации задействован ныне в попытке убедить наших граждан, а заодно и весь мир, в том, что вояки Украинской Повстанческой армии в годы войны сражались за независимую Украину на два фронта – против немцев и Красной Армии.

История, изложенная проигравшими, не менее лжива, чем история, написанная победителями. Нынешняя история Украины написана с позиции проигравших, возомнивших себя победителями. Поэтому она лжива вдвойне.

Что делать?

Вопрос в том, что после того, что было уже обнажено, артикулировано и поставлено в принципиальную плоскость политиками, неумно занявшимися историей, конфликт двух образов Второй мировой войны («Великая Отечественная» и «Чужая победа») приобрел характер холодной гражданской войны, победа в которой одной из сторон сопряжена с огромной вероятностью распада современного украинского государства. Политика памяти должна быть в корне изменена.

Выходом из сложившегося положения является компромисс, своеобразный мораторий на переписывание истории, ее деидеологизация, признание двух правд на почве разных исторических реальностей. Американский дипломат, политический деятель и афорист Эдлай Стивенсон (1900-1965) заявил: «Я предложил бы моим друзьям республиканцам следующее: они перестанут рассказывать ложь о нас, а мы, демократы, перестанем рассказывать правду о них». Неплохой совет и для нашего случая. Так, собственно, поступали советские власти, чтобы не травмировать дружбу народов «правдой истории». Проблему нельзя решить, ее нужно лечить «терапевтическими средствами». Освободиться от исторического прошлого нельзя, но выздороветь от него можно. Хотя бы нужно попытаться.

Далее. Мораторий на злоупотребление историей не означает, что историю нужно прекратить изучать и писать. Нужны честные диалоги между историками Украины, России, Польши и Израиля. Они трудны, но возможны при условии, что это будут диалоги между уважающими себя и партнеров профессионалами, не дискредитировавшими себя «патриотическим» фальсификаторством. Убедить предубежденных невозможно, но постепенно снять предубеждения можно. Этим и нужно заниматься во имя будущего Украины.

Литература

1. Война. Другая память. Международная конференция. – Москва, 9-10 апр. 2005 г. // <http://www.memo.ru/daytoday/5konfer1.htm>
2. Вельцер Х. Память как арена политической борьбы // <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=30011367>
3. Рябчук М. Культура памяти и политика забвения // <http://www.strana-oz.ru/?numid=34&article=1397>
4. Карачко С. Мировая или Отечественная? // <http://www.nr2.ru/kyev/177621.html>
5. Цит. по: Мучник А. Г. Философия достоинства, свободы и прав человека. – К.: Парламентское изд-во, 2009. – С. 213.
6. Уилсон Р. А. Психология эволюции / Пер. с англ. – К.: «ЯНУС», 1999. – С. 26.

Опубликовано в: Науковий вісник: Збірник Одеського державного економічного університету / Науки: економіка, політологія, історія. – 2010. - № 6 (107). – С. 5-14.